

Цзао Цинь окинул взглядом его подчеркнуто аккуратный вид. Собранный, одетый с иголочки — тот явно собрался куда-то уходить.

— И куда это ты намылился? — спросил он.

Разве они не договаривались сидеть в общежитии?

— Заботишься о своем парне? — Цинь Цзышуай наклонил свое мужественное лицо с резкими чертами. Его широкая ладонь легла на хрупкое плечо Цзао Циня. На юноше была лишь просторная белая футболка, в которой он спал. Тонкий хлопок льнул к телу, пропуская живое тепло кожи — прохладной и нежной, точно омытый ключевой водой нефрит.

В комнате они были одни. На мгновение Цинь Цзышуаю показалось, будто они пережили первую брачную ночь: теперь мужу пора на работу, а молодая жена только-только проснулась, сонная и теплая, все еще хранящая на коже аромат их недавней близости — запах его собственного геля для душа.

Он мягко сжал плечо юноши и, не сдержав нежности, негромко выдохнул:

— Какой же ты послушный.

Но «послушный» Цзао Цинь все еще страдал от утренней сонливости и легкого раздражения. Недовольно насупившись, он перехватил чужую ладонь и с силой прижал ее к своему плечу:

— Щекотно же. Если хочешь потрогать, то жми сильнее, а не елозь.

Почувствовав на тыльной стороне ладони прикосновение мягких пальцев, Цинь Цзышуай судорожно вдохнул. Неужели это и есть привилегии законного парня? Сердце забилося так неистово, что дыхание перехватило. Слегка откашлявшись, он решил обнаглеть окончательно:

— Тогда... перед уходом мне полагается крепкий поцелуй? — Он сделал короткую, многозначительную паузу. — Ну или хотя бы дай мне тебя понюхать.

Цзао Цинь мгновенно стряхнул остатки сна и округлил глаза, лишившись дара речи. Понюхать? Как вчера ночью?

— Нельзя нюхать! И целовать тоже! Не прошло и дня, а ты уже лезешь с поцелуями. Это... слишком легкомысленно!

Его губы мелко дрожали, а ресницы испуганно опустились. Он прекрасно понимал: в отношениях влюбленных поцелуи — это лишь самая невинная малость.

— Но мы ведь уже... — попытался вставить слово Цинь Цзышуай, намекая на то, что целоваться им не впервой, но его бесцеремонно прервали.

Цзао Цинь упрямо вздернул подбородок и, решив пойти напролом с откровенным вздором, отрезал:

— Все, что было раньше, не считается! Наш отсчет начинается только сейчас. Мы еще ничем таким не занимались, так что начнем по порядку — с держания за руки.

На губах Цинь Цзышуая расплылась широкая улыбка. Примостившись на корточках у кровати, он снизу вверх разглядывал залитое краской, возмущенное лицо своего сокровища. Ему нравилась эта поза: иначе с его богатырским телосложением и ростом было просто невозможно смотреть на юношу с таким преданным, почти благоговейным обожанием.

— Малыш, так мы у меня, оказывается, такие невинные?

Лишившийся уже как минимум двух «первых» поцелуев Цзао Цинь поджал губы и чинно кивнул:

— Да. — Он несмело протянул ладонь и буркнул под нос: — Максимум — за руки подержаться.

Цинь Цзышуай бережно обхватил его пальцы и уткнулся в них лицом, вдыхая аромат кожи... Если бы не настойчивый телефонный звонок, он бы так и не заставил себя уйти.

Оставшись один, Цзао Цинь сидел на краю постели, бездумно обувая домашние тапочки. Из-под просторной футболки виднелись стройные, безупречно очерченные белые ноги. Он не удержался и поднес собственную ладонь к лицу, пытаясь уловить хоть какой-то запах, но ничего не почувствовал. Однако, вспоминая блаженное выражение лица Цинь Цзышуая, он невольно подумал, что тот выглядел так, будто...

В голове внезапно раздался голос Системы:

"Будто кончил"

Цзао Цинь вспыхнул до корней волос, лицо его залило пунцовой краской:

"Ты о чем вообще, Система?! Какая гадость!"

Система сделала небольшую паузу и невозмутимо добавила:

"Я имел в виду — будто корчился от боли. Словно сломал что-то"

Цзао Цинь не поверил ни единому слову. Он ведь не дурак какой-нибудь. Решив проигнорировать язвительного помощника, он просто замолчал.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву за окном, ложились причудливыми бликами на деревянный пол. В комнате пахло свежей древесной зеленью. Цзао Цинь упрямо разглядывал темное пятно тени на полу, дожидаясь, пока Система соизволит извиниться.

Но вскоре на это пятно наплзла чужая тень.

Вскинув голову, он увидел вернувшегося Сун Чэна.

Черная челка небрежно падала тому на лоб. Лицо мужчины не выражало никаких эмоций, но взгляд был намертво прикован к босым ступням юноши.

В памяти тут же всплыло, как этот парень мертвой хваткой вцепился ему в щиколотку, точно восставший мертвец. Вздвогнув, Цзао Цинь поспешно натянул тапочки и спрятал ноги под кровать.

— На что ты уставился? — проворчал он. Ведет себя как законченный извращенец.

Сун Чэн подошел ближе и опустился перед ним на корточки. Не понимая, чего от него ждать, Цзао Цинь запаниковал, сбросил тапочки, мигом забрался с ногами на постель и спрятался под одеялом.

Сун Чэн коротко усмехнулся:

— И что ты там себе вообразил?

Под одеялом Цзао Цинь от смущения поджал пальцы ног.

Сун Чэн, принесший с собой пластиковый контейнер с обедом, со вздохом спросил:

— Где мазь, которую я тебе давал?

— Какая еще мазь?

Цзао Цинь честно попытался вспомнить, но в голове было пусто. Он медленно покачал головой:

— Не знаю я ни про какую мазь.

— Не знаешь? — Сун Чэн подошел к столу и поставил контейнер. — То-то я смотрю, синяк до сих пор не сошел. — Он недовольно добавил: — В белом тюбике.

Цзао Цинь округлил глаза, и до него наконец дошло:

— А! Я забросил ее в шкаф.

Тюбик был совершенно белым, без единой надписи.

— И как я должен был догадаться? — забормотал Цзао Цинь. — Ты же мне ничего не объяснил.

Сун Чэн замер, так и не разорвав бумажную упаковку деревянных палочек. Он и вправду ничего тогда не сказал. В присутствии Цзао Циня он терял над собой контроль. Внутри все клокотало от непонятного раздражения и влечения; любое слово, любой мимолетный взгляд этого мальчишки действовали на него как красная тряпка. По-хорошему, ему следовало держаться от Цзао Циня как можно дальше.

Но он все равно пришел. Специально купил у Системы высококласное исцеляющее средство, тратить которое на обычный синяк было верхом расточительства. Бросил тюбик и ушел, оставив парня в полном недоумении. Неудивительно, что тот до сих пор им не воспользовался.

Цзао Цинь не спеша вылез из-под одеяла, обулся и примостился на самом краешке стула, взяв в руки палочки.

Сун Чэн зажмурился, уязвленный собственной глупостью. Затем стремительно шагнул к личному шкафчику Цзао Циня. Тот никогда не запирал дверцу, но чужие сюда и не заглядывали.

Распахнув шкаф, Сун Чэн застыл на месте.

На полке бесформенной кучкой валялся дешевый черно-белый лоскут ткани. Поддавшись какому-то безумному импульсу, он протянул руку и медленно расправил вещь. Черная полупрозрачная сеточка едва ли могла что-то скрыть — сквозь нее наверняка соблазнительно просвечивала бы нежная кожа. Ткань оказалась крошечной, узкой: приложив к ней ладонь, Сун Чэн понял, что длина этого недоразумения едва превышает размер двух его ладоней. Такая одежда ничего не прикрывала.

Сун Чэн не мог представить, как Цзао Цинь будет выглядеть в этом наряде. Он внезапно пожалел, что в тот раз, заметив отражение в оконном стекле, поспешил выключить свет, так и не разглядев деталей. Смутный, мимолетный образ теперь казался бесконечно манящим. Он крепче сжал тонкую ткань, дыхание его перехватило.

В конце концов, этот наряд предназначался именно для него!

Когда он вытащил белье, за ним обнаружился тот самый затерявшийся белый тюбик с мазью.

Цзао Цинь остолбенело смотрел на него. Заметив, что именно держит в руках сосед, он мгновенно вспыхнул. Краска стыда залила шею и уши. Вскочив со стула, он попытался вырвать вещь:

— Ты зачем роешься в моих вещах?!

— Ты ведь сам собирался примерить это для меня? — пользуясь преимуществом в росте, Сун Чэн поднял руку вверх, не давая забрать белье.

Цзао Цинь задыхался от возмущения и стыда.

В этот напряженный момент тишину комнаты разорвал звонок. Звонил телефон Цзао Циня.

Злобно пихнув Сун Чэна плечом, он обошел его, добрался до кровати и схватил трубку. На экране высветилось имя Цинь Цзышуая.

Присев на край матраса, он ответил сиплым от волнения голосом:

— Да? Что-то случилось?

На том конце провода слышался торопливый шаг и легкие помехи:

— Малыш, совсем забыл спросить, чего тебе купить на обед. Скоро буду, захвачу с собой.

— Я уже ем, — Цзао Цинь принялся нервно ковырять пальцем покрывало, мысленно благословляя этот своевременный звонок, позволивший ему хоть немного перевести дух.

— Уже ешь?.. Ну, может, хочешь чего-нибудь вкусенького на десерт? Чтобы животик был полным-полным, — донесся из динамика приторный, ласковый голос.

Цзао Цинь уже понемногу привыкал к подобному сюсюканью, чего нельзя было сказать о стоявшем рядом Сун Чэне. Его брови сошлись на переносице, в глазах мелькнула презрительная усмешка, под которой скрывалась жгучая, им самим еще не осознанная ревность.

Пока Цинь Цзышуай увлеченно перечислял меню ближайших кафе, перед глазами Цзао Циня возник силуэт соседа. Сун Чэн навис над ним слишком близко. Пытаясь уклониться, юноша не

удержался и повалился навзничь на постель, невольно издав растерянный полувздых-полувскрик:

— Мх-х...

Сун Чэн бесцеремонно опустился рядом с ним на кровать и, скользнув по нему темным взглядом, принялся прикладывать дурацкую кружевную вещицу к его телу, совершенно не заботясь ни о желании самого Цзао Циня, ни о том, что тот разговаривает по телефону.

— Что там у тебя? — тут же насторожился Цинь Цзышуай, уловив странный звук.

Сердце Цзао Циня пропустило удар. Судорожно отталкивая настойчивые руки Сун Чэна, он постарался придать голосу максимум непринужденности:

— Ничего. Привези мне фруктовый чай, ладно?

Тонкая ткань скользнула по его груди — Сун Чэн примерял, где закончится подол.

— Договорились, — отозвался Цинь Цзышуай, но перед тем как повесить трубку, добавил: — И держись подальше от этого Сун Чэна. Если этот ублюдок начнет лезть к тебе, сразу звони мне.

Сун Чэн, прекрасно расслышавший эти слова, лишь презрительно искривил губы.

— Угу, — тихо буркнул Цзао Цинь.

Стоило вызову завершиться, как Сун Чэн уперся коленом в матрас, нависая над парнем:

— Мы еще не расстались, а ты уже воркуешь с другим. Твой ненаглядный хоть знает, что я собираюсь тебя переодеть?

В горле перехватило, в уголках глаз Цзао Циня вспыхнули слезы обиды.

— Ничего я не собираюсь переодевать! — прошептал он.

Казалось, лимит позора на сегодня исчерпан окончательно. Но Сун Чэн словно не замечал его страданий. Он продолжал пожирать его глазами, прикладывая лоскут ткани к чужому телу, и ядовито шептал:

— Ну и что, наберешь сейчас своему защитнику? Расскажешь ему в красках, как я тебя лапаю? Будешь плакать в трубку и жаловаться?

Хлесткий удар наотмашь заставил голову Сун Чэна мотнуться в сторону. Он застыл, ошеломленный. Когда он медленно повернул лицо обратно, Цзао Цинь уже тяжело дышал, глядя на него полными слез, незащитными глазами. Сун Чэн коснулся пальцами горячей щеки. Было не столько больно, сколько неожиданно — этот жест выбил его из колеи.

— Хватит надо мной издеваться! — Цзао Цинь выхватил кружевную тряпку и швырнул ее на пол. Крупная слеза скатилась по его бледной щеке. — Он бы никогда так со мной не поступил! И вообще, это не для тебя вещь, я для него ее купил!

Развернувшись, он с головой зарылся под одеяло, превратившись в глухой кокон. Точь-в-точь обиженный кролик, спрятавшийся в своей норке от жестокого мира.

[Так тебе и надо, придурок!]

[С ума сошел от ревности? Иди и сорви злость на Цинь Цзышуае, зачем на малыша нападать?]

[Ой, какой же у нашего малыша тонкий поясок...]

Сун Чэн медленно подобрал с пола белье. Его кадык дернулся. Спрятав вещь в системное пространство, он еще долго стоял у кровати, не зная, что предпринять. Ему безумно хотелось обнять и успокоить его, но вместо этого он глухо выдавил:

— Прости. Вылезай, остынет ведь.

В ответ — глухое молчание.

— Хочешь, я отведу тебя в Сектор А? — Сун Чэн сделал паузу и едва слышно добавил: — Циньцинь...

Эти ласковые слоги дались ему с трудом, словно он посягнул на чужую собственность.

Под одеялом Цзао Цинь погасил экран телефона. Высунув покрасневшее личико наружу, он забавно захлопал влажными ресницами:

— Что ты сказал?

Сун Чэн отвел взгляд:

— Сектор А. Ты ведь так хотел туда попасть.

— Правда? — Цзао Цинь окончательно сбросил одеяло и сел, сияя от неожиданной радости, будто на него только что свалилось нежданное сокровище. Вся его обида улетучилась без следа.

— Правда, — подтвердил Сун Чэн.

[Малыш, ну нельзя же быть таким доверчивым! Тебя же обведут вокруг пальца!]

[Какая у нас отходчивая женушка...]

Сун Чэн предпочитал словам дело. Он тут же помог юноше обуться, и они покинули общежитие. Пустынная территория академии при свете дня выглядела жутковато — ни единой души вокруг. С легкостью преодолев высокую ограду, как и в прошлый раз, они оказались по ту сторону.

— Куда теперь? — спросил Сун Чэн.

Сектор А всегда казался Цзао Циню заветной целью. Раньше это место ассоциировалось у него со славным прошлым и шансом спасти семейное дело, теперь же оно стало ключом к успешному прохождению испытания. Но сейчас, добравшись сюда, он растерялся, не зная, за что ухватиться в первую очередь.

Прислонившись к стене, он задумчиво опустил ресницы:

— Может, стоит встретиться с моими старыми знакомыми?

Сун Чэн молча кивнул. Заметив, что парень помрачнел, он деловито предложил:

— Хочешь, я их выманю и хорошенько отлуплю для тебя?

Цзао Цинь удивленно уставился на него, поражаясь ходу его мыслей, и испуганно замахал руками:

— Что?! Нет, не надо! Они ведь ничего такого не сделали.

Подумаешь, разнесли парочку его лживых слухов... К тому же теперь, зная, что все они — лишь бездушные NPC, обижаться на них и вовсе казалось глупостью.

В Секторе А вовсю шли занятия, так что врываться в учебные корпуса было нельзя. Притаившись в рощице, Цзао Цинь зашел в мессенджер и создал групповой чат, добавив туда нескольких бывших приятелей. Те, кто раньше демонстративно игнорировал его личные

сообщения, теперь засыпали беседу недоуменными знаками вопроса и многоточиями.

Над ухом раздалось негромкое сухое покашливание. Цзао Цинь поднял голову и увидел, как Сун Чэн, сняв свою куртку, аккуратно расстилает ее на траве:

— Садись.

Слегка смутившись, Цзао Цинь послушно опустился на импровизированное сиденье. На корточках и правда уже затекли ноги. «Ладно, — подумал он, — спишем это на извинения за его грубость».

Набирая текст тонкими, изящными пальцами, он заметил всплывшее сообщение от Тан Яньмина — парня, который раньше без умолку пел ему дифирамбы:

[Кто сотворил этот чат? Снова намечается какая-то веселуха?]

Стерев заготовленную фразу, Цзао Цинь хладнокровно напечатал:

[Я сотворил]

<http://bllate.org/book/18271/1763101>